Муканова Гюльнар К., к.и.н., профессор

ИДЕНТИЧНОСТЬ. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КАЗАХОВ

Не так давно один из депутатов Парламента страны актуализировал вопрос о несовершенстве уровня преподавания истории Отечества. Приходится согласиться с высказанным независимым мнением, ведь чтобы создать весомые учебники, которые прочтешь и преисполнишься гордости за свою Родину, нужен известный пафос, подкрепленный «железобетонными» аргументами. В чем же корень проблемы? Почему родители (детям вряд ли это придет в голову) раз от раза недовольны учебниками, откуда фрустрация? Может, потому что мы еще не до конца разобрались в своей идентичности?

Когда, став хозяином, вы вселяетесь в дом, который до того принадлежал кому-либо ранее, надо помнить и с уважением относиться к прошлому жилья, которое вами обретено, в силу тех или иных обстоятельств. Это негласное правило редко, когда соблюдается; напротив, новые владельцы вовсе следы пребывания уничтожить прежних Экстраполируя данный подход к межцивилизационным взаимоотношениям, в идеале должны уважаться более древние пласты истории современных народов. Однако, - увы, - и в случае с Великой Степью, этого не происходило. Более того, в силу разных причин попытки изучения прошлого жестоко карались. Привычной становился синдром «оглядки на авторитеты» и «внутреннего цензора». Потому ныне, для реконструкции древних пластов жизнедеятельности насельников истории Великой Степи, среди которых были скифы, гунны, саки, тюрки и еще немало племен и народов, приходится прилагать большие интеллектуальные усилия и материальные инвестиции.

Если бы проблема заключалась только в финансовом обеспечении археографических экспедиций! — Обществоведам и историкам Казахстана в 20 веке выпали неизгладимые идеологические испытания и искусы, при том, что многие диссертации «советского» периода можно просто утилизировать, ввиду их научной несостоятельности.

Уникальные источники, к примеру Стенографический отчет Первого Тюркологического съезда в Баку (1926), отражают живой национальной элиты тюркоязычных народов к своей идентичности. Выступающие уже тогда ставили вопрос о проведении масштабных археологических экспедиций на пространстве Великой Степи. Жизнь показала, что благие пожелания обернулись физическим уничтожением исследователей. Тогда палеоархеологические находки как последних десятилетий, тех адам», же «алтын доказали правоту участников исторического Баку. Казахскую делегацию представляли: съезда

А.Байтурсынов, Н.Тюрякулов, Ельдес Омаров, Азиз Бей-Сейдуали и Билял Сулеев.

Для τογο, чтобы аутентично отразить всю многогранность исторического прошлого Великой Степи, применима научная методологическая концепция Макса Вебера. Немецкий исследователь на рубеже 19-29 веков, учитывая религиозную этику и общечеловеческие создал фундаментальные цености, труды признан социологической отрасли знания. Соглашаясь частично с его взглядами, важно помнить, что Степь, как географический регион, имеет специфику. Назовем условно этот специфический момент термином «локация». В чем заключается особенность региона?

Во-первых, данное пространство характеризует мозаичность этнокомпонентов (соответственно: верований, языков и диалектов) и государственных образований здесь, на протяжении локальных или длительных периодов.

Во-вторых, специфика локации (степь) и климатических особенностей (дефицит гидроисточников и т.п.) нередко вызывала массовые, порой - неплановые стихийные, миграции (об этом и роли таковых в истории континента, ниже). Впрочем, в последние пять столетий, насколько нам известно, миграция была типичной нормой для хозяйственно-культурного типа (См. Масанов, 1995), именуемого «кочевой» или «полукочевой». /Здесь нам не хотелось бы вдаваться в детали, описания и политические оценки, насколько корректно было вводить в свое время именно такие определения, и не снижают ли таковые определения, как: «кочевники» или «номады», статут целых наций и их потомков и т.п., за ограниченностью объема/.

В-третьих, при наличии источников и артефактов из Степи, которые еще необходимо найти, поскольку многое вывезено было коллекционерами (Об Анри Мозере см. Ухтомский, 1891, с. 93) и путешественниками. Находки важно каталогизировать, привести в систему данные палеоархеологии, которые еще будут добыты (на сегодня имеется серия пантеонов «алтын адам»). Т.е. необходимо привести в удобочитаемый вид результаты исследований данного конкретного пространства — Великая Степь, - и последних прошедших с распада Союза, лет и ранних, но засекреченных и т.д. При том, что история данной локации должна быть вписана в историю прилегающих пространств, обществ и государств, в историю тюрков, в историю Евразии и, безусловно, в историю мировых религий и искусств.

В-четвертых, и это важно отметить: в настоящее время для центральноазиатского региона актуализирована общетюркская идентификация, на что имеются внешние и внутренние факторы. В Казахстане признание общетюркских общностей официально легитимизировано статьей Елбасы «Семь граней Великой Степи» (Назарбаев, 2018). До ее выхода, надо признать, в среде обществоведов превалировали идеологические «фобии». Мы сознательно рассматриваем регион Центральная Азия в расширенной интерпретации ЮНЕСКО, поскольку занимаемся изучением прошлого, когда не было еще как ныне, деления на национальности (казахи, кыргызы, узбеки, таджики, туркмены и др.), а Великая Степь была полигоном массовых миграций и средоточием сменявших друг друга империй и союзов племен.

Переосмысление истории Шелкового пути в плане межкультурного влияния, представляет отдельный раздел отечественной историографии (см. Духовное наследие..., 2017). В разработке указанного направления еще немало «белых пятен» и требуются новые подходы в целом к тюркской идентификации (Ergin, 2018). С этим солидарны зарубежные политологи. Например, исследователь из Кембриджа (Prajakti, 2018) считает, что монгольский период функционирования магистрали явился своевременным и необходимым для будущего материка. В частности, Prajakti Kalra констатирует важность кочевого государства и значение Степи в становлении собственно экономики Евразии.

THE SILK ROAD AND THE POLITICAL ECONOMY OF THE MONGOL EMPIRE

• На фото: монография о Шелковом пути и Степи, автор - исследователь из Кембриджа, Калра Праджакти. "The Silk Road and the Political Economy of the Mongol Empire (Routledge Studies on the Chinese Economy)" by Prajakti Kalra. Taylor and Francis, 2018. Routledge.164 р. Автор выражает признательность за помощь казахстанским проф. М.Абусеитовой, М.Лаумулину и др.

Prajakti Kalra

Очевидно, что, как историко-культурное наследие и каркас идентичности, тюркскость трудно игнорировать. Даже известный арабоперсидский свод сказок «Тысяча и одна ночь» (охватывающий и регион Центральная Азия) как оригинальный источник этнографических сюжетов и межкультурных коммуникаций, со знаменитым

Али-Бабой и угрожавшими его безопасности 40 разбойниками, заслуживает компаративного анализа. Если Олжас Омарович Сулейменов доказал наличие тюркизмов в «Слове о полку Игореве», думается, «благонамеренный» исследователь обнаружит тюркские топонимы и сюжеты в канве источника «1001 ночь». Достаточно сопоставить сюжеты персидских сказок с тюркскими аналогами, например, в части товарных сделок-операций на Великом Шелковом пути, чтобы заметить общность истории и культуры и т.п.

В-пятых, - тема ВШП дает основания обобщить наконец данные о распространении мировых религий, в частности, ислама, в обозначенном пространстве, со всеми социальными составляющими (образование и наука; одежда и прически; пища и обрядность; административные институты и налоги; т.п.), в конкретные исторические периоды. Известно, что в таких центрах мусульманского богословия и образования, как: Самарканд и Бухара, обучались адепты, в том числе из Степи. Однако тот факт, что как только названные центры были разрушены и осквернены, по религиозным понятиям, вследствие военных походов русской армии в 19 веке, потенциальные участники хаджа (один из канонов ислама) из региона, предпочли сменить маршрут в Аравию, в Мекку. (Ухтомский, 1891). В действительности, это

яркий прмиер проявления идентичности, который в советское время не фиксировался «по умолчанию».

Иными словами, имел место перелом в сознании, вызвавший к жизни вполне определенный вектор массовой осознанной, целевой, если угодно, миграции: на Ближний Восток. Массово шли паломники в Мекку, Каир, Стамбул, воспринимавшиеся критерями мусульманской образованности в конце 19 - начале 20 веков! (хотя и раньше туда отправлялись паломники из

"IS THE TURK A
WHITE MAN?" RACE AND MODERNITY
IN THE MAKING OF
TURKISH IDENTITY

Центральной Азии, но не столь интенсивно).

Для степняков и жителей смежных и отдаленных регионов (Хорасан, Индостан), желавших видеть своих отпрысков учеными, не просто набожными, данный вид миграции символизировал обновленную, более выраженную, идентичность, вызов новым условиям существования. Причем неслучайно многие предпочитали оставаться в Аравии, строили там дома для уммы, и если возвращались, то с кардинально измененным сознанием. (Ухтомский, 1891) Впоследствии миграция эта была «свернута» с приходом большевиков к власти в СССР, перекрывших Каспий, хадж через Поволжье и центральные области РСФСР. Типичный образец того, как повлияла разрушительная колонизация Средней Азии и осквернение сакральных мест, на массовое

сознание. /Приходится ли удивляться тому, что хлынувшие после обретения суверенитета в центральноазиатские государства и Казахстан потоки религиозных проповедей, были восприняты некритично; долгие десятилетия здесь игнорировался социальный институт веры/.

Другой малоизвестный и яркий факт проявления национальной идентичности в 19 веке, выявлен из биографии просветителя-педагога, исследователя и организатора народного образования в Степи, Ибрагима Алтынсарина, который самостоятельно разработал и убедил Министра просвещения Российской империи, издать за счет казны (арабской гарнитурой!) казахский учебник для детей под названием «Шаригат-ульислам». Данный учебник Алтынсарина, альтернативный «Закону Божьему», который был обязательным предметом в школах того периода, информировал об основах ислама и модели поведения мусульманина. В контент учебника автор ввел этнографические сведения, о традициях и обрядах казахов (ловля с хищными птицами и т.д.), что качественно отличает эту книгу от трафаретных заповедей (Муканова, 2019) (К сожалению, после скоропостижной кончины автора, оппоненты Алтынсарина добились переиздания его книги, уже кириллицей).

Идентичность степняков выражалась в желании составить конкуренцию другим этносам; ученый человек всегда был уважаем в Степи. Если фокусироваться на типах кочевого образования в пределах Степи, то сохранились свидетельства очевидцев, людей высоко образованных. Примечательно, что в истории и антропологии казахов учеба была обязательной составляющей быта; аульный мектеп (мобильная школа) перемещался вместе с аульчанами, в сезонные кочевки. Т.е. динамика развития (компетенций и интеллектуального) ребенка и физическая мобильность (көш, көшу) составляли единое целое. Между прочим, динамичность, смена ситуационных задач - это один из принципов современного обучения.

*На фото: Первое учебное пособие «Шаригат-уль-ислам» на казахском языке, арабской вязью. Предназначено для казахских и башкирских учащихся, в качестве альтернативы «Закону Божьему».
Издано в Казани в 1884 г. Автор: Алтынсарин Ибрагим.
Содержание: этнографические сюжеты по культуре казахов и фрагменты аятов и хадисов из книги «Ислам» имама джами Санкт-Петербурга муллы Атаалла ибн Баязида и других книг.

Редкие по тем временам книги (в основном, киссалар), повествования о деяниях святош и т.п., попадая в аулы, хранились и передавались из юрты в юрту, по ним учились грамоте и устраивались громкие читки по вечерам. Известный просветитель и публицист Исмаил Гаспринский посетил казахские кочевья и был восхищен, насколько гармонично в Степи решался вопрос детского обучения. Цитируем его заметку: «От Бахчисарая до Ташкента» // «Таржиман», за 1893 № 40:

«...За Джизаком недалеко от дороги я встретил несколько киргизских аулов и понемногу останавливался в них. Если есть трава и простор для скота – киргиз счастливейший человек. У него нет претензий и потребностей горожанина; солнце, кумыс и песни удовлетворяют этого жителя кибитки, напоминающей огромный улей, крытый войлоком. Хотя некоторые обычаи киргизов не в ладах с мусульманским шариатом, но тем не менее во всем существенном – это добрые мусульмане, честные в слове, любящие семью и правдивые вообще. Узнав, кто я и по-своему решив, что я «большой мулла белой кости», эти добрые люди не знали, как честить и угостить меня. Впрочем, спасибо им: на всю дорогу я был снабжен отличным кумысом. Грамота среди киргизов развита очень слабо, но все же оказывается, что между ними более читающих и пишущих, чем я думал. Почти каждый аул имеет нечто вроде мектебе, подвижного, как и вся деревня». (См. Алекторов, с. 267)

То, что удивило Гаспринского, имело место в действительности: казахи заботились об учебе подростков, и нанимали в аульные учителя выпускников медресе. Учителя кочевали вместе с аулом, их содержание полностью брали на себя аульчане. Иными словами, кочевой казахский социум изобрел мобильную форму обучения (ауылдық мектеп). Потребности быть в тренде современного образования, желание видеть своих детей успешными людьми, природная сметливость, коммуникабельность и лабильность, освобождающая от административного надзора, удачно совпали с локацией проживания. Наблюдая жизнедеятельность приграничных городов, ярмарок по периметру Степи, где можно было обменять продукцию скотоводства на скобяные товары, чай и ткани, зная наизусть логистику путей сообщения, казахи проявляли уважение к учительству и учебе, как процессу. Знать счет и грамоту, обладать навыками менеджеров, в потребностях своего времени, разумеется, - для прагматичной части казахов, особенно на рубеже 19-20 вв., составляло прикладную задачу адаптации к ситуации.

Мектеп - эта форма народного по сути образования (она практически долгое время не контролировалась государством (империей) и зависела от доходности кочевого хозяйства конкретного аула / рода. Ее наличие фиксируется в целом ряде письменных источников. Многие бывшие учащиеся аульных мектебов критически вспоминали годы учебы (Магжан, Султанмахмут и др.) мугалимов-мулл, заставлявших зубрить суры Корана, что делало процесс обучения монотонным и угнетало подростков. (Джапанов К. Как обучают киргизы своих детей / «Киргизская Степная газета», 1895 № 8.

(См.: Алекторов, 294 и др.) Тем не менее статус аульного «мугалима» (учитель с арабск.) поддерживался родителями учащихся; в казахском языке сохранились поговорки на этот счет. Родители зачастую занимали сторону учителя, которому разрешалось наказывать нерадивого ученика физически (палка, розги, др.).

Спорным представляется вопрос о методике обучения в аульных мектебах и его содержании. Существенным недостатком аульных мектебов было то, что выпускник в итоге не обретал навыков какой-либо профессии. Более способные продолжали учебу в стационарных школах и медресе при мечетях, заканчивали высшие духовные медресе в Уфе или Казани, т.д. Тем не менее, овладевшие навыками письма и счета, подростки помогали родителям и аульчанам в расчетах со скупщиками шерсти, войлока и кошм, кумыса, масла, курдючного жира и других товаров, посещали ярмарки.

Тяга образованию важная составляющая национальной идентичности, повторюсь. Примечательно, что в условиях насильственной ликвидации института государственности и легитимной элиты, казахское общество как бы самовоспроизводило (под патронажем аульных аксакалов и биев) механизмы выживания и прогрессивного развития. Именно общество (в лице биев и старейшин-аксакалов) взяло на себя функции экс-этногосударства по обучению, с малых лет, детей, не дожидаясь (!) указаний свыше. Общественность направляла подростков в учебно-образовательные центры Средней и Малой Азии, Магриба, как альтернативу Оренбургскому и Омскому кадетскому и пажескому корпусам. Векторы познавательной деятельности учащихся-степняков веером расходились вовне, обозначенной локации.

В-шестых, архитектура миролюбия, т.е. поддержание атмосферы мирного обмена на протяжении Степного сегмента ВШП: традиции обмена товарами, технологиями и в целом полезной информацией, воплощенные в условном названии «Великий Шелковый путь», были характерны для Степи, особенно в мирные периоды. Практика эксплуатации магистрали не исключала военных сюжетов и/или их отражения, сопровождавшиеся захватами пленных мастеровых (например, индийских ткачей, с их техникой изготовления тончайших шалей и тканей, китайских мастеров по изготовлению керамики и т.п., ювелиров).

Пространство Степи, от Урала до Алтая, искони было удобным местом для укрывания разного рода эмиссаров, беглецов (Амурсана) и сокровищ, материальных и духовных. В советское время в разных уголках Казахстана представителями тюркоязычных народов (казахи, татары, туркмены, башкиры, узбеки, киргизы, якуты), со слов очевидцев, были сокрыты книги, изданные арабской типографской гарнитурой в Индии, Турции. Многие из них истлели либо информация о местах сокрытия навсегда утеряна, что нисколько не умаляет ценностей Знания в данной конкретной локации.

Открытость по характеру тюрков, коммуникабельность и гостеприимство давно стали притчей во языцех. Увидели свет любопытные книги зарубежных авторов о тюркской идентичности. / Ergin, 2018/ В 21 веке

интеллектуальное мировое сообщество проявляет интерес к тому, как пульсирует локация Туран. Однозначно, современные потомки тюркоязычных этносов достойны того, чтобы реанимировать знания о своих предках и их заслугах, своей полноценной истории.

По тернистому пути исследования идентификации ранее прошли одаренные и любившие свой народ, личности. Они оставили свой след в истории, свои рассуждения и книги. Великий мыслитель Абай Кунанбаев в своих произведениях актуализировал тему «казахи». Краеугольным камнем для определения ценностей отечественной исторической школы остается тема идентичности. Потому до сих пор актуальны труды Ш.Уалиханова (Валиханов, 1984-1985 и др.), И.Алтынсарина (см. выше), М.Ауэзова (Ауэзов, 1961), К.Сатпаева (Духовная модернизация, 2018), А.Маргулана (Маргулан, 2005), А.Касымжанова (Касымжанов, 1998 и 2019) и др. Они с большим тактом, находчиво, порой пользуясь «эзоповым» языком, инкрустировали свои печатные труды и устные выступления, жемчужинами идентичности. Их труды, с минимальной поправкой на идеологию эпох, составляют ныне каркас, кереге, или остов национальной идентичности.

Актуализация исторических исследований в статье Елбасы составляет

стержневую основу для работы предстоящий период, профессиональных обществоведов: изучать И популяризировать ту великую данность, которую поколение 21 Независимого Казахстана, наследует из глубин прошлого. Очень важно осознавать взаимосвязь социальной истории казахов-тюрков с уникальной гео/локацией Степи, транзитное преимущество региона Центральная Азия. что признают европейские исследователи, которые вкупе оказали влияние на развитие материка Евразия (Prajakti, 2018).

Наши великие предшественники **знали** и уважали свою идентичность. Образно выражаясь, на генном уровне ощущая идентичность, каждый свой шаг,

каждую строку они выверяли в соответствии с сакральным, наследуемым кредо казахской идентичности.

Известный тюрколог из Санкт-Петербурга, доктор исторических наук, профессор С. Г. Кляшторный, начиная со свой кандидатской диссертации «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии» (1963), всю сознательную (прожил 86 лет) и плодотворную научную жизнь посвятил изучению древнетюркских памятников: их открытию, переводу и изданию. Ему принадлежит глубокая мысль: «...именно в

исторической памяти социума таятся в какой-то степени стертые и мифологизированные стереотипы, определяющие пути поиска истоков культурного наследия». (Кляшторный, с. 147).

В книге «Стелы Кошо Цадама», представляющей собой курс лекций, который казахский профессор-философ А.Х.Касымжанов прочел в вузах США в начале 90-х годов, отмечается: «Без духовной укорененности человек провисает в пустоте. Через века к нам дошел страстный призыв: народ должен быть самим собой, сохранить себя от растворения и рассеяния. Этот призыв тем более актуален, что эрозия идентичности зашла далеко, требуются настойчивые и целеустремленные усилия по ее восстановлению и возрождению». (Касымжанов, 2019: 89)

На фото: Захоронение в урочище Кошо-Цайдам с характерными орнаментами. Комплекс расположен в урочище Кошо-Цайдам, на берегу р. Орхон, в 400 км западнее г. Улан-Батор (Монголия). Открыт Н. М. Ядринцевым в 1889, по подсказке Г.Н.Потанина. Фото из Альбома миссии Буйана де Лакоста в 1909 году.

Относительно утери казахской идентичности, реанимировавший учение аль-Фараби А.Х.Касымжанов приводит народные выражения: «У казахов про человека, потерявшего свою идентичность, говорят: манкурт. Такой человек «қорада да жоқ, далада да жоқ», т.е. он «не там и не здесь», «нигде», по-русски «ни то, ни се». Недаром родились определения: «шала қазақ» (малость казах), «нағыз қазақ» ((настоящий казах»).

Вместе с тем, анализируя ситуацию с высоты современного знания, ученый констатировал тот факт, что даже с утерей государственных институтов, этническая идентичность сохранялась тюрками. Угасание идентичности со временем стала компенсироваться: «Восходящая к стелам

Кошо-Цайдама традиция, угасая со временем, возрождалась к новой жизни в различных жанрах — посланиях, пословицах, увещеваниях, дастанах и становилась источником этической идентичности и гордости Туркестана, объединившего территорию от Восточного Алтая до западно-уральских гор. Основатели и продолжатели традиции думали о будущем, обращались к потомкам». (Касымжанов, 2019: 89)

Таким образом, идентификация насельников локации конкретные исторические периоды, выявляется на базе источников. Специфика региона диктовала приоритет изустных творений. Этнос и коллективная память сохраняли устное наследие, передавая из поколения в поколение. Имеются отражения / модуляция мыслительной деятельности в виде эпиграфики – наскальных изображений и рунических надписей. визуальной фонетической Благодаря этой традиции И фиксации (историологии), потомки обладают знаниями об исторических личностях и знаменательных событиях. В этом оптимистический вывод исследователей казахской идентичности.

В этой связи, теоретическую «формулу» национальной идентичности (далее НИ. – Г.М.) автор этих строк вывела в начале второго тысячелетия, тогда она выглядела следующим образом: $\mathbf{H}\mathbf{U} = \mathbf{J} + \mathbf{P}$. Здесь Э означает этничность. Р – религия. (Муканова; 2002). И сегодня нет оснований менять эту не претендующую на исчерпывающий ответ, формулу, поскольку религиозная принадлежность (сознательный выбор, или наследуемый индикатор) так или иначе влияет на поведенческие стереотипы молодежи.

II

В институционализации исторического знания и коллективного сознания, особое место по праву принадлежит философской категории *Идентичность*. Несколько поколений национальной интеллигенции провели большую работу по переработке «гумуса» на почве *идентичности*.

Если вдуматься, заокеанский термин — идентичность, - казахам не чужд. Ведь идентичность /самоидентификация/ в казахской лексике имеет смысловые аналоги, и один из них - «намыс». Если обратиться к этимологии понятия «намыс» в казахском языке, то в основу его заложено осмысленное чувство, которое может мотивировать на энергичное деяние, защиту чести, достоинства, устоев. Национальная идентичность в сознании носителей этничности созвучна с выражениями: «намысынды берме», «арынды төкпе». /У казахов они синонимичны и могут произноситься одновременно «ар-намыс»/.

В современных языках тюркских народов обнаруживаются схожие образования. Например, в узбекском языке есть аналог, «номус» /https://translate.academic.ru/%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D1%81/xx/uz/.

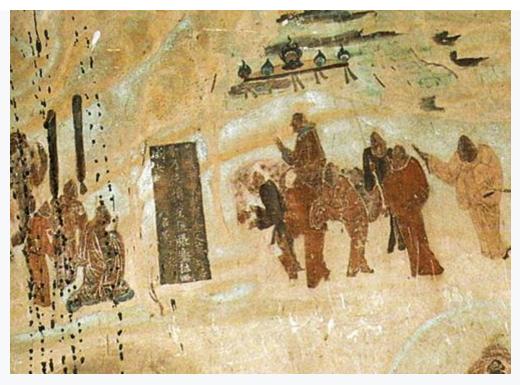
Понятие «намыс» (честь; слава) обнаруживается и в языках кыргызов, карачаевцев / https://karachay-malkar.com/namys-adep-chest-i-vospitanie-jozden-adet/, а также марийцев / https://translate.academic.ru/%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D1%81/xx/ru/

осетин, /https://translate.academic.ru/%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D1%81/os/ru//, и присутствует - с тем же смысловым значением, - в иронском диалекте грузинского языка, что любопытно и наводит на размышления.

Характерно, что в первой редакции текста Государственного Гимна Республики Казахстан были такие торжественные строки:

«Жаралған **намыстан** қаһарман халықпыз» - что в переводе означает: «Мы - народ доблестный, дети чести». И этим удивительными словами выражена мощь народа-преемника и защитника Великой Степи, Ұлы Дала.

Что касается термина «национальная идентичность» (далее НИ. – Γ .М.), то в его интерпретации с началом «перестройки» преуспели отечественные философы, тогда как историки до сих пор не очень охотно им оперируют. Так, имеется определение, принадлежащее рано ушедшему из жизни, доктору философских наук, профессору Б.Г.Нуржанову. *Национальная идея* - это «одновременно глубинная онтология человеческого (национального) бытия (способ его национального существования), его глубинная социология как эффективный способ установления прочной социальной связи и столь же глубинная психология, управляющая чрезвычайно сложной и разветвленной сферой его эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций». (Нуржанов Б.Г.).

Чжан Цзянь отправляется в Западные края по велению императора У-ди в 138 г. до н. э. Рисунок танского времени (ок. 8 век н. э.) в пещере Тысячи будд (Могао) близ оазиса Дуньхуан в Западном Китае

При исследовании темы национальной идентичности логичным было бы применить научно-справочный аппарат философской науки. Собственно, в статье Елбасы «Семь граней Великой Степи» обозначены такие философские категории, как: Пространство и Время. – Посредством их условно обозначают роль и место сообщества (нации), дабы осмыслить кратковременность бытия

и бесконечность данности, в потоке истории, вселенского космического Ничто, текущего в Никуда...

Все относительно, и кажущиеся абсолютно аутентичными вчера, оценки в рамках «классово-формационной» теории, и роль в истории Героев вчерашних, и их последующее развенчание... Важно определиться с обществоведческие науки СНГ переживают дефинициями, T.K. качественного обновления, «перезагрузки» методологии. Как отмечалось выше, потому приходится использовать термины, которые стали трендами в научном аппарате философии постмодернизма, социологии и культурологии, ими обычно оперирируют в обобщающих суждениях, в глобальном плане. констатировать, что формируется новая, постмодеринистская философия истории бывших «республик Средней Азии», какими нас воспринимают в дальнем зарубежье.

Для исторической науки важны факты, а они содержатся в источниках. Современный этап источниковедения /да и историографии/ обременен практическими целями реанимировать потенциальный массив источников и обобщить их. От фактологии (хотя параллельно продолжаются изыскания в архивах), чрезмерное увлечение коей сказывается на содержании школьных и вузовских учебников, от количественного «перевыполнения планов» в воспроизведении отдельных этапов истории нации (к примеру, Алаш начала 20 в.) безусловно имеет смысл переходить к обобщениям. Плавно и системно, важно перейти к широким историко-филологическим обобщениям /выражение академика В.Н.Вернадского/, с целью отразить место и роль отдельно взятой, локации, Степи - во всеобщей истории.

Методологические проблемные вопросы: история государственности тюрков; виды и формы модуляции мыслительной деятельности (эпиграфика и письменность) в домонгольский период; исламское средневековое интеллектуальное знание и роль государства; баланс этничности и институциональной национальной идентичности и многие другие ждут методологического осмысления.

Конкретный пример: несторианство и манихейство, разновидности христианства настойчиво присутствуют в учебниках с советских времен, тогда как история ислама и буддизма в пределах Центральной Азии в них имеет секвестированный вид. Другой вопрос, насколько мировые религии в процентном соотношении превалировали на Пространстве Великой Степи в разные исторические периоды? Словом, нужно определиться в этом щепетильном вопросе, смежном с темой идентичности.

Категории Пространства и Времени применимы к такому малоизученному вопросу, как: обслуживание локации / того участка Степи, на трассе Великого Шелкового пути (ВШП), который предположительно держали под неусыпным контролем, в период усиления, тюркские государственные образования. Слабо изучена указанная тема потому, что трафареты о «номадах», унаследованные из «дореволюционно»-советского периода, лишили национальные исторические школы возможности аутентичных переложений пути развития Степного сегмента Шелкового пути.

«Кочевым» народам было отказано в, условно говоря, «цивилизующих» процессах, вследствие так называемых европоцентристских взглядов.

Были ли альтернативные точки зрения?

Обратившись к трудам известных борцов за Независимость, в них обнаружились ответы на искомые принципиальные вопросы. Нельзя обойти вниманием очерки и статьи казаха-политэмигранта Мустафы Шокая (1890 - 1941), отдавшего жизнь за свободу Туркестана, сражавшегося с помощью публицистики с политическим невежеством Советов, насаждавших в Туркестане свою власть (Шокай, 1935).

В статье «Мақта төңірегіндегі күрес» за 1930 год (опубликована в журнале «Жас Туркестан» № 3-4) Шокай, поднимая в очередной раз проблему превращения Туркестана в сырьевой придаток России, несколько раз подчеркивает заслуги тех, кто оказывает несогласие и сопротивление политике Центра. При этом Шокай использует понятие «намыс» (zic!), для выделения таких борцов в особую категорию. К примеру, он пишет о конкретных личностях, из числа национальной элиты, которые, невзирая на призывы к мировой революции, послушали свое сердце и пробудили в себе «намыс», или национальные честь и достоинство» : «Мәскеу большевиктері Түркістандағы жергілікті коммунистерді өздерінің дуниежузілік әлеуметтік революция идеяларына шын берілген «мүриттер» кеңестік Ресейге барынша адал адамдар етіп көрсетуге қанша тыраштанғанымен, Рахым Анғам, Қадырғали Ядыкар, Садық, Смағұл Сәдуақасұлы қатарлы көптеген жігіттердің намысы оянғанын естен шығармағандары жөн. Бұлардың бәрі де жүректерінің терең түпкірлерінен орғып шыққан жан дауысына ерік бергендер, сондай ақ Түркістан мен Ресей арасындағы бұрыңғы отаршылдық қатынастың енді бүгін Кеңес пердесі астында жүріп жатқанын көрген соң, төзіп отыра алмаған **намысты адамдар**».

Как отмечено выше, понятие «намыс» встречается во многих языках тюркской семьи, что только подтверждает древность его этимологии. Со слов европейских антропологов Анне Мари Вильмено (Anne-Marie Vuillemenot, Pr. Anthropologue, Université Catholique de Louvain (UCL) и ее коллег, в горах Памира проживают малочисленные семьи, у которых в лексиконе есть слово «номус». Его смысл весьма близок к тому, что вкладывают в него тюрки, в любом случае, словом «номус» они обозначают социально полезную деятельность, безвозмездную помощь роду в прокладе дорог в ущельях и т.п.

Таков экскурс в этимологию одного из тюркских слов, сопряженных с национальной идентичностью, «намыс». Обнаружение его звукового аналога (см.выше) у ряда народов Кавказа и Памира, предполагает дальнейшие исследования межкультурных контактов и истории миграций, так или иначе связанных с регионом Центральная Азия.

На фото: антрополог из Бельгии, профессор Университета Лувена, Анне-Мари Вильмено изучает духовный мир и сакральные ценности народов Туркестана и Памира.

Определения идентичности в мире весьма разнообразны, как и ее проявления. Если Мустафа Шокай зачислил казахского государственного деятеля Смагула Садвокасова и его узбекских единомышленников по сопротивлению большевикам, защищавших национальные традиции и корни краевой экономики, в разряд лиц, у которых «пробудился намыс», приблизительно о такой когорте «пассионариев» писал известный евразиец, историк-географ Лев Николаевич Гумилев.(Гумилев) В их духоборческой деятельности, ученый видел мощный энергетический посыл для интегрирования этносов, государства. То есть это определение (пассионарии) тех, у кого ярко проявлялись лидерские качества на фоне самоидентификации.

Статья Елбасы Н.А.Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» от 12 апреля 2017 /эл.версию см. Назарбаев, 2017/ дала определенный импульс масштабной идеологической работе в республике, призвала размышлять. С первых строк Президент четко обозначил интегративную цель этой важной работы с массовым сознанием.

«...Даже в значительной степени модернизированные общества содержат в себе коды культуры, истоки которых уходят в прошлое. Первое условие модернизации нового типа — это сохранение своей культуры, собственного национального кода. Без этого модернизация превратится в пустой звук. Без опоры на национально-культурные корни модернизация повиснет в воздухе... история и национальные традиции должны быть обязательно учтены. Это платформа, соединяющая горизонты прошлого, настоящего и будущего народа». /Назарбаев, 2017/

В упомянутой статье говорится: «Каждый народ извлекает свои уроки из истории». Действительно, если история Казахстана и казахского народа, созданная в 20-м веке, была некой калькой с истории «СССР с древнейших

времен до наших дней», и в ее корпус плавно перетекли те концепции, которые данному региону и народам, здесь проживающим, не были свойственны, то теперь, как пишет Елбасы, «...преследуя цели инновационного развития, мы должны заботиться о сохранении национальной идентичности, культивировании знаний и нашего национального кода». И здесь безусловно надо остановиться на вопросах территориальной целостности и безопасности.

Ведь в понятие «национальная идентичность» анотропологи включают, помимо языка, культуры и традиций, уклада хозяйства, еще и этническую территорию государства. Охрана земель государства — миссия почетная. У казахов для обозначения боевого/ ратного геройства, в том числе тех, кто обеспечивал безопасность государства и его территории, существовали обозначения: «батыр», «корғаушы». «қаһарман» (корень «қаһар» - «слава», т.е. «совершивший подвиг, обретший славу»). Данная категория народных героев - особая, их неувядающие подвиги живут в народной памяти, фольклоре.

В этой связи важно не столько находить новые артефакты, сколько своевременно обрабатывать их и внедрять в учебные программы. Следует обратить внимание и на дефиниции. Не совсем верно, когда «по трафарету» «речитативом» порой перечисляются деяния конкретных исторических персоналий. Гиперболизация рядовых поступков исполнителей, в силу их должностных инструкций, к примеру, не должна заслонить отвагу духовных борцов, и писателей, и художников, и тех, кто несправедливо был зачислен в ряды «изменников Родины» и т.п.

Удивительно, но факт: в отечественной (тюркоязычной) историографии и публикациях, по истории Казахстана и борьбы за Независимость, до сих пор нет системной классификации терминов, призванных обозначить иерархию героев, истинных борцов, осознанно ставивших цели борьбы. Массовое сознание доверчиво, - поддавшись эмоциям либо талантливо исполненным, зачастую «заказным» печатным изданиям и сюжетам (теле-, видео-, драматургов) и т.п., в один ряд включают и рядовых исполнителей и - тех, кто действительно поднялся до необходимости сопротивления угрозе национальной, в том числе и территориальной, идентичности и следующей за этим защите территориальной неприкосновенности.

В союзный период, в списки награждаемых вписывали как правило тех, кто исполнял возложенные на них обязанности: хлеборобов, хлопководов, овцеводов, прилежно выполнявших и перевыполнявших планы пятилеток, и даже офицеров, подписывавших сотнями «расстрельные» списки! Эта несуразица бросается в глаза и потому, что потомки таких лжегероев, не разобравшись до конца, начали вести «борьбу» за возведение памятников своим предкам, именовать в их честь улицы и т.п. Важно не выплеснуть здравый смысл в погоне за увековечиванием деяний тех, кто был винтиками в механизме тоталитарной машины союзного государства.

Герой герою - рознь. Духовное наполнение подвига соизмеримо с его готовностью пожертвовать многим, вплоть до жизни, убежденностью в своей правоте и благородстве его поступков. Чтобы выяснить этот довольно непростой вопрос, недостаточно обращаться к лингвистам и справочникам, в

поисках определений: «батыр», «каһарман», «ардагер», др. В таком случае, мы получим поверхностный ответ, ведь казахский (тюркский) язык насыщен образами, есть заимствованные слова из арабского, турецкого, персидского, монгольского и т.д. Гораздо честнее обратиться к источникам, публицистике времен испытаний и вызовов, идентичности. Мустафа Шокай в своих статьях властью Советов нередко ПОД использовал «ұлтшылдық», оправдывая тех представителей наций (туркестанцев, грузин и поляков, украинцев и т.д.), которых Советы обвиняли в национализме. Шокай использует «ұлтшылдық», в отличие от советской пропаганды, в позитивном ключе. Так, в первом же номере журнала «Жас Түркістан» в 1929 году он от лица редактора-издателя, писал: «Біз отанымыздың ұлттық тендікке ұмтылысынан, жерлестеріміздің рухани көмектерінен нәр аламыз», что приблизительно переводится как: «Мы наслаждаемся /читай: восхищены, подпитываемся. – Г.М./ духовной помощью наших соотечественников, стремлением нашей Родины к национальной идентичности /=свободе и равноправию/». В этих строках отражена значимость внутистрановых, национальных процессов трансформации общественного сознания, духовное единение патриотов.

Анализируя задачи, обозначенные Елбасы в проекте «Рухани жаңғыру», по возрождению высокой духовности нации и обращению к истории и героям прошлого, обнаруживается параллель со взглядами Мустафы Шокая. Последний близко подошел к теме идентичности. Приведем пример.

В статье «Жеңілмес ұлтшылдық» (1930 год) Мустафа Шокай пишет, что Советов провоцирует рост здорового национализма деятельность Туркестане: «Кезінде жәдитшілдік патшалық Ресейді қатты аландатқан еді. Оның жалғасы және қазіргі көрінісі болған Түркістан ұлтшылдығы енді бүгін кеңестік Ресейді шошытып отыр». Смысловой перевод: Джадидизм в тревожил иаризм. Его продолжение и проявление свое время туркестанском национализме, ныне пугает Советскую власть. То, что Шокай придавал очень важное значение духовной культуре, выражено в другой его статье «Түркістан әдебиеті хақында француздар не айтады?» (1931): «Мы должны понимать, что нынешний политический спор заключается не только в том, чтобы «получить место под солнцем», но и в том, чтобы показать свою культуру всему миру, включая Европу. Это - наша основная задача» (с каз). В данном случае, культура, духовность представляется как «код нации», который отличает ее от других наций мира.

Национальную культуру и духовность, в СССР трактовали узко, лишь как националистические проявления, тогда как духовность — главное богатство народа. Еще до прихода большевиков, в регионе на рубеже 19-20 веков самостоятельно зародилось джадидское движение (Алимова, 2000) за светское образование и свободу женщин. Оно было успешным, пока большевики не объявили джадидов, наряду с басмачами, контрреволюционерами в 1924-1925 гг. Те, кто имел смелость отстаивать национальные традиции и специфику, подверглись гонениям. Последствия ошибок режимов особенно ощутимо проявились в сфере обществоведения.

Исследовать прошлое объективно удается тогда, когда есть непреходящий интерес и профессиональное чутье. Историкам приходится ныне пробираться сквозь имеющиеся и устоявшиеся мнения, соглашаться либо опровергать их. Это интересно и сложно одновременно. К примеру, выяснить, каким образом и с помощью каких социально-политических инструментов протяженная торговая магистраль — ВШП — обслуживалась и сохраняла устойчивость? Обратимся к источникам.

Наличие государственности у тюрков проявлялась, если верить источникам, в системной организации городов-крепостей (тюркс. – хан; арабск. - рабат), караван-сараев, со сложной инфраструктурой. Мы полагаем, что имелся китайский, тюркский и арабский опыт сервиса на трассах Великого шелкового пути (ВШП).

Коллеги из Туркменистана дают справку: «В эпоху средневековья по всем маршрутам Великого Шёлкового пути от Средиземноморья до Китая для отдыха и охраны торговых караванов через каждые 30-40 километров сооружались специальные постоялые дворы, защищённые глухими стенами и мощными бастионами. Они строились с таким расчётом, чтобы караван, покинув утром одну стоянку, к ночи достиг следующей. Имелись даже особые справочники с указанием расположения дорожных гостиниц, самое распространённое название которых — караван-сарай» (От Амуля, 2018).

Речь идет о письменных сведениях источников, относимых к «арабским». Между тем, Н.Ф.Петровский, русский экс-консул в Кашгаре, после отставки переехал в Ташкент и увлекся исследованием торговых путей региона в средние века. Ему удалось ознакомиться с трудами европейских востоковедов (Sprenger, 1864) и издать результаты собственных изысканий (Петровский, 1894). Научное наследие Петровского после революции оказалось невостребованным. (Воробьева-Десятовская, 2011).

Что до обеспечения безопасности на протяжении ВШП, то существовала охрана, security: арабы (гази), тюрки (карлукские погранотряды, см. Кляшторный). В лексике народов-правопреемников присутствуют термины, обозначающие миссию кочевников по охране ВШП: как версия: «сақ», «сақ болу» в языке более поздних насельников Степи, тюрков-казахов.

* белый кречет – птица, которую в качестве дара привозили дипломатические миссии тюрков, главам государств

Забегая вперед, в «казахский» период, источники сообщают о перманентных грабежах и сухопутных «пиратах», разбойниках, которые порой создавали помехи для торговцев. И эти мольбы обеспечить безопасность караванов — маршруты через Степь повторяются в тюркских казахских и китайских источниках позднее, в 18 и 19 веках. Казахские правители (хан Абылай и султан Султанмамет и др.) использовали обращения извне — обеспечить охрану торговцев из Синьцзяна и среднеазиатских владений, - для того, чтобы повысить престиж казахских «конников» - специально обученных отрядов всадников, выполнявших по приказу хана миссию сопровождения торговых караванов, проходивших через Степь.

Преемственность в управлении степными просторами, в лице казахских ханов и султанов, вне сомнения, брала истоки в более глубоких пластах истории Степи. Отсюда, конная эскорт-миссия торговых и дипломатических экспедиций, взятая чингизидами на особый контроль. Об этом мало известно, причины кроются в идеологических установках о «кочевниках» и так называемом «феодально-монархическом» периоде.

Роль кочевников в международных дипломатических и макроэкономических процессах, в угоду европоцентристской теории, в СССР была минимизирована. В республиках Средней Азии и Казахстане были «обезглавлены» академические центры вследствие политических репрессий

30-х годов, запрещены исследования в области этнологии, культурной антропологии, фольклористики и т. д. Приоритеты отдавались обоснованиям «классовой» теории. Все, что не подлежало этому и отклонялось, должно было самоуничтожиться, по меньшей мере.

Так оказались «под сукном» разработки, которые могли своевременно отразить роль конников-тюрков?, кавалерии, которая обеспечивала сопровождение караванов, торговцев и товаров на протяженных маршрутах ВШП, от отдаленных регионов Дальнего Востока через Синьцзян, вплоть до Каспия и Урала, и далее.

Доместикация лошади /Ботай, В.Ф.Зайберт/ произошло в регионе, непосредственно смежном с современной Степью, ныне - Челябинская область РФ. Представляется логичным увязать данный процесс, вошедший в науку как «Ботайская культура», с темой эскорт-сопровождения транзитных караванов. «Китайский» и в целом дальневосточные участки Шелкового пути безусловно охранялись; уместным будет провести сравнительные исследования: виды охраны и транспортировки товаров; типы логистических терминалов (караван-сараев); морской / сухопутный путь и т. п.

На фото: группа статуй вокруг обелиска Бильге-Кагана. Урочище Кошо-Цайдам, Монголия. Фото из Альбома миссии Буйана де Лакоста 1909 года.

В этой связи воображение дорисовывает версии появления наскальных рисунков / «граффити»/ по периметру восточной и, частично, южных границ Степи. Равно как и появления аналогичных высеченных на камне /в гористой местности/ рисунков, изображений коней и всадников и т. д. в Якутии /т.наз. Ленские писаницы/ и даже кельтских /в Норвегии, по сведениям проф. М.Х.Абусеитовой/. Возможно, это «следы» пребывания тех конных эскадронов-эскортов, которые в ожидании караванов, охраняя (условно) приграничные области от нападений чужаков, запечатлели свои «таможни», «пункты контроля», в виде знаков-символов того, что данная территория находится под присмотром.

Если рассуждать в данном направлении, то были бы не просто следы пребывания, а отражение функциональных обязанностей или более глобально,

- охранной миссии, которая была доверена со стороны власть предержащих, конникам Степи. В этом случае следы социальных договоренностей, если таковые имели место, должны отложиться на всем протяжении ВШП, т.е. в китайских /корейских, индийских, персидских/ источниках. Охранная миссия вдоль трасс ВШП безусловно требовала участия нескольких акторов геополитического процесса, и это очевидно.

Взглянув шире на макроэкономические процессы древности и средневековья с позиций 21 века, когда аналогичный современный транзит (имеется в виду мега-проект «Один пояс — один путь») вызывает живой интерес, имеет смысл вести этимологические изыскания в обозначенном направлении, чтобы искомые сведения представились в системном виде.

Вероятно, отряды Чингисхана проникли достаточно легко в Степь именно по тем погран/заставам, пикетам, которые были созданы по указу тюркских, и не только, правителей, вдоль трасс ВШП, в домонгольский период.

Советский период мог бы окончательно «похоронить» тему «кочевой цивилизации», если бы не артефакты. В древних этнонимах сохранились корневые базы, которые, возможно, означали: «стражи», «обеспечивающие безопасность». Например, «SAKI», ср. корень «SAK» с тюркскими /казахскими выражениями: «Sak bol», «Saktau», то есть «Будьте осторожны».

Приручение лошади на границе Европы (Урал), о котором упоминалось выше, позволило кочевым конгломератам принять на себя миссию эскорта. Известна версия, что ряд кочевых племен иммигрировали в Центральную Азию, с Алтая и Восточной Сибири (кыргызы, карлуки и др.).

Думается, в предмонгольский период практика внутриматериковых наземных коммуникаций потребовала «перезагрузки» миссий кочевников. Их знания, причем многоотраслевые: рельеф местности; расположение гидроресурсов (Масанов, 1995), особенности флоры и фауны, владение оружием, климат и ландшафт - способствовали тому, что кавалерия кочевников была весьма «доверенным субъектом», чтобы стать эскортом для ценных караванов.

То, что жизненна версия, согласно которой палитра наскальных изображений всадников, вдоль Восточной границы Степи, а также отдаленных районов Северо-Восточной Азии (Якутия) и Европы может являться отражением авангардного расположения конвоев в районе естественного коридора - Джунгарских ворот (ср. этимологию Хоргос-Коргас), подтверждается обнаружением письменных свидетельств.

К примеру, по данным ибн-Хордадбека (см. Кляшторный, 2006; Tekin T., 1993), в свое время арабы ввели путеводители-справочники, в которых отмечались особенности трасс ВШП, то были схемы-карты и комментарии к ним. Соответственно, можно предположить, что существовали аналогичные «путеводители», которые были разработаны восточнее арабского влияния, т.е. в Китае, и собственно в пределах Великой Степи. Остается выяснить, на каком языке они функционировали: тюрки? скорее всего, руны? и где их обнаружить.

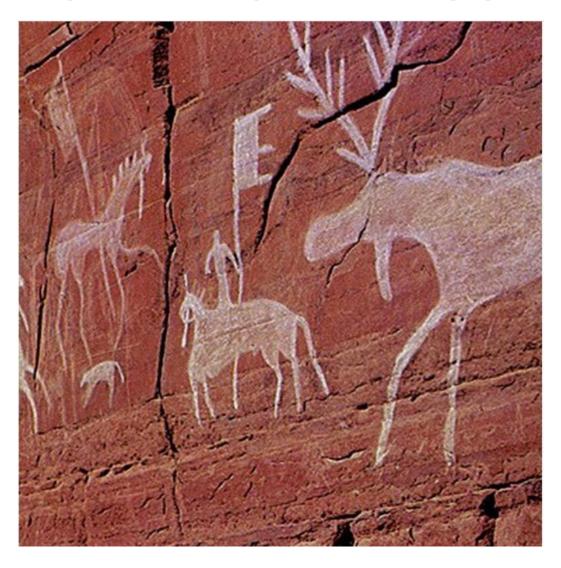
На фото: Петроглифы (верблюд) Кереге-Жар на побережье озера Иссык-куль, Кыргызия.

Возвращаясь к наскальным «граффити», изображения которых разбросаны на огромном пространстве: от Скандинавии – по реке Лена в Северо-Восточной Азии, в Сибири на Енисее, Тарбагатае, Алатау (Казахстан) и даже Прииссыккулье (Кыргызстан), обнаруживаем «белые пятна» в палеоэтнографии.

Сведения о палеогидронимах в текстах позволяют исследователям ориентироваться в географии массовых миграций и истории коммуникаций. Так, в книге известного синолога Иакинфа - Бичурина Н. Я. (Бичурин, 1851) в разделе «Отделение VI. Повествование о Западном крае. Часть II» описан Восточный Туркестан / Синьцзян/, встречаются гео-характеристики местности и упоминание о реке Или: «...Отселе до западного моря с третьей луны до девятой редко идут дожди. Поля орошают снеговою водою. За 1.000 с небольшим ли от Шина юго-восток есть место Ханьбу, со всех сторон окруженное горами. Почва тучная. Много лошадей и овец; на запад 1.000 ли до Дулисэни; на востоке прилежит к реке Йейе (так называлась река Или. – комментатор). Сия река начало принимает с северной стороны Луковых гор; имеет мутный цвет, течет на северо-запад и уходит в большую песчаную

степь, неимеющую ни травы, ни воды. Путешественники, видя вдали большие горы, по разбросанным звериным костям угадывают, куда идти должно». http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/159.htm

В данном труде Н.Я.Бичурина встречаются любопытные сведения о дарах, которыми обменивались тюркские владетели с императорским двором.

На фото: Ленские писаницы в Якутии. Характерное изображение всадникаохотника на лошади. Одна из таких писаниц в верховьях Лены послужила прообразом для герба Республики Саха.

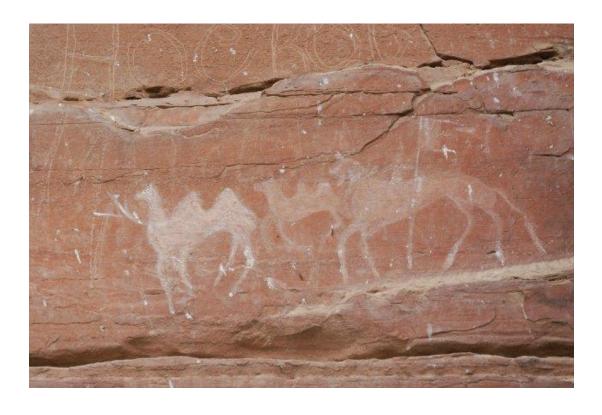
В ходе многолетних исследований автор этих строк убеждена, что в качестве инструмента идентификации, на выручку историкам приходят палеогидронимы, столь редкие в пределах Пространства Великой Степи, т.к. наименования водоемов имеют свойство не меняться на протяжении длительного периода и способны рассказать многое для профессионалов.

К примеру, с тюркского, название реки Или (Іле) переводится «вести за собой; объединять; сплачивать». Действительно, река Или в прошлом принимала все семь рек, стекавшихся в нее с юга; сейчас этого на практике уже нет; изменились русла. Удивительный факт этот зафиксирован на старых картах Жетысу, которые сохраняются в запасниках Европы. На них видно, что

в Или впадают семь рек с юга. (см. карта из архива Бельгии, слайд М.ХАбусеитова, 2019 год).

Тот, кто владеет верховьем реки, тот хозяин положения, — это негласный закон Степи и любого аридного пространства (согласно полевым сведениям, полученным от гидрологов).

Соответственно бассейн реки Иртыш (Ертіс, с тюркского корень «ерту» = вести означает «Ведущая за собой», либо от «Ер» + «тюс») был значимым в функционировании ВШП и всего пространства Великой Степи. Неслучайно, вдоль течения рек Иле в Семиречье, с разницей в десятки лет, и совсем недавно, именно здесь найдены первый «Алтын адам», в ВКО - «Урджарская принцесса» и выше - «Берельское захоронение». О том, что следует внимательно работать с палео-топонимами, напоминает тюркская этимология названия реки Лена. У якутов-саха, оно звучит в оригинале Елүенэ (өлүү иэнэ) или Большая река. В некотором роде это название имеет корень, схожий с казахским «Ел».

На фото: Шишкинские писаницы, побережье р. Лена, Якутия. Обнаружены в начале XVIII столетия руководителем одной из Северных Экспедиций — Γ .Ф. Миллером.. Любопытно изображение нетипичных для местности, двугорбых верблюдов (?).

У тюркоязычных народов Центральной и Северо-Восточной Азии в целом прослеживается общность в языке, топонимике, уважительном отношении к источникам жизни, воде, старшему поколению. Постепенно формировавшиеся конкретными социумами=сообществами=государствами локальные ценности /local values/ (в регионе Великой Степи), распространяясь вдоль трасс ВШП, трансформировались в Глобальные ценности / Global

values. В этом - предназначение общей деятельности, которая приучала к взаимопомощи, невзирая на несхожесть верований и традиционного уклада.

IV

Каменнописьменные (М.Абусеитова) эпиграфические и собственно письменные свидетельства по истории древнетюркского периода, в абрисе институциональной идентичности, представляют ценность. Что касается понятий «институциональной национальной идентичности» (см. James P., Nairn T. 2005; Нуржанов Б.Г.), наряду с этичностью, при условии аутентичной их интерпретации, несомненно отражают степень социализации, осознания себя членом управляемой общности. Указанный аспект позволит по-новому взглянуть на отражение темы идентичности, на примере тюрков. Игнорирование или избегание в СССР темы религии обернулось для нынешнего поколения лакунами в знании пластов прошлого Великой Степи.

Рунические тексты — большой и не до конца изученный пласт истории Степи и внешних сношений степняков в пределах Евразии и т.д. Современные авторы опираются на известные труды В.Радлова (конец 19 в.), В.Томсена /Тhomsen, 1912/. «Белые пятна» в тюркологии СССР образовалась вследствие утери ряда крупных специалистов-теоретиков, в лице А.Н.Самойловича, А.Байтурсынова, др. Впоследствии, после «кампаний» в национальных республиках среди фольклористов, историков / «дело Бекмаханова»/, интерес к источникам резко снизился.

В годы «холодной войны», зарубежные тюркологи, проявлявшие научный интерес к тюркским рунам, прибегали к опубликованным работам, преимущественно С.Е.Малова /Малов, 1951/. К числу их принадлежал этнический турок, американский профессор Т.Текин / Tekin, 1988 и Tekin, 1993 /. Отдельные исследователи, в лице С.Г.Кляшторного (2006 и др), казахстанского ученого Ю.Зуева (1998), оставались верны тюркской тематике. Современные разработки на тему рунических памятников опираются на версии названных исследователей.

Большой интерес представляет история дешифровки текста книги «Ирк Битиг», который принадлежит наиболее опытному исследователю рунических текстов, датскому ученому В.Томсену /Thomsen, 1912/. Последний при дешифровке использовал словосочетание «Бог путников», до сих пор остающееся вне внимания исследователей. Увы, эта существенная деталь в публикациях советских востоковедов отсутствует, по понятным причинам.

В современном дискурсе по истории и культуре тюрков, подсказка Томсена относительно «Way-God» - Покровителя путников, немаловажна, поскольку раскрывает сакральный мир путников-степняков, отраженный в руническом тексте. Кто был автором найденной записи, куда направлялся и каковы были его духовные предпочтения? Провести аналогию с Кыдыр/Кызыр-ата, сохранившемся у современных тюрков (казахов в том числе), покровителем путников, не составляет труда.

Рукопись, известная как «Ырк Битик», выполнена на страницах предположительно книги, изготовленной в Китае, причем поверх более раннего, буддийского текста, хранится в Лондоне в Британской библиотеке. «Ырк битик» была приобретена британским консулом в Синьцзяне А.Стейном, в манихейском монастыре. Локация находки повлияла на идентификацию источника, и рукопись рядом исследователей однозначно была отнесена к «манихейским». Не совсем верным представляется предположение, что источник классифицируется как «книга гаданий».

 $\it Ha\ \phi omo:\ Первые\ две\ страницы\ \it Ирк\ \it Fumur\ (листы\ 5b\ u\ 6a).\ \it \"\it Irq\ bitig\ -$ древнетюркский памятник, предположительно $\it IX\ векa.$

Представляет собой бумажную книгу, размером 13,75 на 8,75 см, состоящую из 104 страниц, написанную от руки <u>тюркским руническим письмом</u>. Первая дешифровка и публикация принадлежат датскому тюркологуВильгельму Томсену.

Артефакт хранится в Британском музее (Лондон).

Имеющиеся вариации толкования «Ырк Битик» мы бы дополнили следующими замечаниями, которые рождаются при внимательном прочтении версии В.Томсена /Thomsen, 1912/. Упоминание в тексте кречета — птицы из отряда хищников, гнездящихся на скалах, высоко в горах, можно было бы трактовать: а) что книга принадлежала человеку, с дипломатической миссией посетившего Поднебесную и возвращавшегося в Степь. Потому что в политесе тюрков кречет в качестве дара, означал мирные переговоры, служил эталоном дипломатии. б) ландшафт местности, типичной для гнездования кречета,

сходен с горными вершинами Алтая, либо Джунгарского Алатау, побережьем р. Или/Иртыш.

Впечатление, что рукопись ошибочно идентифицирована как «Книга гаданий», ведь в ней изложены бытовые ситуации. Контент рукописи, составленной наскоро, поверх другого текста, более напоминает скоропись-«стенограмму», сделанную автором по мере продвижения по ВШП. Автор, вполне вероятно, некто из эскорта-сопровождавший караван с товаром из Китая в Степь, зашифровал отдельные местности и этносы, этикет, для тех, кто возможно последует по указанному маршруту.

Так, письменно (!) были зафиксированы типичные для того периода (ранее 9-10 вв.) представители флоры (озер) и фауны края (лошади, верблюды; тигр; кукушка — что соответствует данным источников о фауне Прибалхашья и Семиречья, побережье р. Или). Текст передает традицию глубокого почитания правителя (князь, хан), социальные отношения, вертикаль соподчинения.

Вертикаль власти довольно четко прослеживается в «Ырк битик», что косвенно может подтвердить наличие властных (государственных) структур, которые контролировали Степной участок / сегмент Великого Шелкового пути (условно, от Таласа до Тарбагатая).

Возвращаясь К караван-сараям И путеводитеям-«дорожникам» (Петровский), возможно, арабский сегмент ВШПути плавно перетекал в тюркский /степной/, который в свою очередь, сливался с китайским, дальневосточным. Ha каждом участке обеспечивалась безопасность караванов; в Степной транзитной зоне данная миссия была отведена кочевникам/всадникам. Полиязычие и владение сопровождающими внешней модуляцией мыслительной деятельности (письмо), ПО крайней идентифицируются «Ырк битик».

Между тем, есть версия, что «Ырк Битик» — это обратное прочтение арабами, справа налево: и изначальное название рукописи «Кыр Китабы», или - дорожный путеводитель. Можно полагать, что «Книга о Степи» как справочник обо всем, что встретится на пути караванов, составлена была для тех, кто отправлялся в небезопасный путь. Маршруты были длительные и затратные, к примеру, из Китая на запад, и обратно. Для безопасности груза и его сопровождавших торговцев, требовалась охрана, причем обязательно положившись на некоего *Way-God*.

Хронология написания «Ырк Битик» на наш взгляд ближе к доисламскому периоду, поскольку в контексте отсутствует слово «Аллах» или иные атрибуты, характерные для учения пророка. Манихейских символов веры также не идентифицировано. Логичным будет идентифицировать время записи «Ырк Битик» периодом, предшествующим распространению ислама в Степи, Синьцзяне и сопредельных территориях.

Почему же такая существенная деталь как Way-God, «ускользнула» из научного оборота? «Умолчание» в СССР теологического элемента из дешифровки Томсеном (Thomsen, 1912), сегодня не кажется случайным; ведь слово **Бог-God** в атеистическом государстве было «табу», и соответственно,

текст книги для советской научной общественности подавался в усеченном виде, фрагментарно.

Вместе с тем сам источник "Irk Bitig" в зарубежной историографии (американской, турецкой и т. п.) во время всплеска к нему интереса в годы «холодной войны», изучался в русле советской (Малов, 1951) концепции (т.е. также без упоминания **Way-God**). Словом, мировая востоковедная наука была введена в заблуждение, вследствие искусственной усеченности источника. Сказалось и охлаждение советско-китайских отношений; хотя о Китае как фигуранте дипломатических связей, в рукописи ясно говорится.

Кроме того, Томсен расшифровал словосочетание «kara nas..» /Thomsen, 1912/ «қара нәсіл» или «темнокожая раса», - так тюрки-степняки характеризовали индусов, отличавшихся темной пигментацией кожи. Отсюда, география эскортов торговых караванов распространялась, если верить источнику, до Индостана и далее, тогда как советская историография как будто обрывает исследование географии «Ырк битик» на Восточном Туркестане, зоне влияния Уйгурского каганата. Таковы предварительные подходы к теме.

 \mathbf{V}

В целом, для историков и работников обществоведческих наук Казахстана наступила благодатная пора: выход статьи Елбасы «Семь граней Великой Степи» еще раз акцентировал фокус НИР: национальная идентичность, работа с источниками, археографический поиск в зарубежных архивах, мощная аналитика и обобщения по балансу локальных и глобальных ценностей вдоль трасс Великого Шелкового пути.

Безусловно, важно иметь доступ в фонды зарубежных архивохранилищ, актуальна мобилизация междисциплинарных и международных археографических экспедиций (термин, с легкой руки отечественного востоковеда Юдина В. П.). «Белых пятен» еще немало в историографии исследования Степи. Центрально-азийский регион как айсберг; не каждому открывается глубинная его часть, особенно представляют интерес отзывы посещавших Степь путешественников из Европы.

Из полузабытых исследований Степи, из разряда «дореволюционных», некоторые весьма любопытны, поскольку отражают социальные процессы либо историю этносов, что позволяет отнести к разряду письменных источников сами эти публикации. Записки путешественников, впервые попадающих в те или ирые местности, относят к жанру "cut-up". Таким является исследование востоковеда Э.Ухтомского, посетившего Центральную Азию в XIX в. Задача нашего исследования состояла в определении значения и места его книги, в числе других научных работ, выполненных в жанре сиt-up, или путевых заметок. Необычность личности Ухтомского, обрусевшего потомка сына Чингисхана, увлекавшегося буддизмом и близкого к сначала цесаревичу, затем царю Николаю Второму, привлекает внимание.

• На фото: Ухтомский Эспер, потомок хана Батыя, российский ориенталист (1861-1921), буддист, антрополог и социолог, посетил Каспий, Степь. Автор книги «От Калмыцкой степи до Бухары. СПб, 1891».

В контексте всеобщей истории, оригинальные научные гипотезы Э.Ухтомского о роли и месте этносов, в том числе тюркоязычных народов региона, логично вписываются в философию истории Евразии и мира.

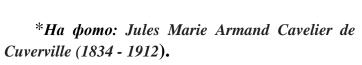
Критический анализ трудов Э. Ухтомского, на материалах зарубежной историографии последних лет, позволил выявить высказанные им, оригинальные гипотезы. Одна из них - о природе массовых миграций из центрально-азиатского региона, на Ближний Восток. В частности, Ухтомский увидел причину «перезагрузки» маршрута массового хаджа, а именно: не в Бухару и Самарканд, а в Мекку, в лице паломников из Центральной Азии, при том, что хадж из региона вырос количественно на рубеже 19 — 20 веков, - в русской колонизации. Местные мусульмане, в ответ на осквернение местных святынь, с приходом иноземных солдат, предпочли добираться до Мекки и Медины... (Ухтомский, 1891).

Другое открытие, которое сделал Ухтомский, заключалось в догадке, что итальянские платки ручной работы идентичны по технологии производства, индийским. Нетрудно предположить, что индийские мастера благодаря Шелковому пути, распространили свои творения вначале в Средней Азии, отсюда уже восточные товары достигли Европы.

Метод Ухтомского относит его публикации к разряду социологических, в то время как европейская наука называет основателем социологии немецкого ученого Макса Вебера. Вебер приступил к научным обобщениям гораздо позже Ухтомского, судьба последнего оказалась драматической. С приходом к власти большевиков, научные изыскания ориенталиста не были востребованы, и он умер в Царском селе. Благодаря Ухтомскому, в свое время восточные коллекции по буддизму и ламаизму пополнили запасники Эрмитажа.

В пределах Степи, очарованные гостеприимством и открытостью ее насельников, побывали многие европейцы. Одному из них, Анри Мозеру, удалось собрать уникальную коллекцию; об этом можно детально узнать из книги (Абусеитова и др., 2012).

Французские антропологи и этнографы побывали в областях Степного края, вдоль Транссибирской трассы магистрали. Собранные ими коллекции серебряных казахских украшений и редчайшие фото Жюля Легра, на которых засняты казахские станшии Исилькуль семьи (ныне Павлодарская область) были увезены в Париж и размещены в журналах по искусству. Так, в 1895 г. названные области посетили барон де Бай и виконт-адмирал де Кювервиль, они также встретились с другом Шокана Уалиханова, известным краеведом Г.Н.Потаниным.

В Национальном архиве Франции в именных досье обоих путешественников хранятся официальные документы о подготовке миссии и редкие фотоснимки исилькульских казахов, с членами ИРГО. /ANF / Часть именной коллекци де Кювервиля «Portrait And Costume Siberia. Circa 1896. Gelatin Silver print», 32 фотоснимка этнографических артефактов из той поездки, в 1998 году была выставлена на аукцион, по причине отсутствия потенциальных наследников и бюджетных средств на хранение фонда. /http://www.arcadja.com/auctions/ru/de cuvelier de cuverville jules marie/artist/140891/

До настоящего времени многие ценные артефакты, могущие отразить величие Степной цивилизации, остаются в зарубежных хранилищах. Позитивным моментом может служить тот факт, что на базе этих и других артефактов, интерес к истории Степи в Европе в 20 веке возрос. Так, Рене Груссе (фр. René Grousset; 1885-1952), французский ориенталист, историк искусства, в 1938 году выпустил первое издание «Империи степей». В книге в обобщенном виде западному читателю была представлена история кочевых государственных образований на территории евразийских степей, со времен гуннов до XVII - XVIII вв. Книга пережила несколько изданий, и в 1970 году вышла на английском языке (Grousset, 1970). Рене Груссе был куратором French: Musée Музея Гиме /The Guimet Museum; national asiatiques [MNAAG] or Musée Guimet) в Париже, членом Французской академии и автором многих трудов по ориенталистике.

На фото: молодая казашка в свадебном головном уборе - саукеле. Инкрустирован серебряными деталями. Приблизительно 19 — начало 20 вв.

Елбасы пишет: «Истоки нашего национального кода культуры и традиций лежат в гуманистическом начале, бережно, на каждом временном отрезке, сохраняемом народом в пространственном потоке, в истории», этими строками актуализирована суть идентификации.

Профессор А.Х.Касымжанов утверждал, что важно «осознавать свою самобытность, дорожить ее и, ни в коем случае, не предаваться легкомысленно чужим ценностям и чужому образу жизни. — это основа основ свободы и независимости народа» (Стелы Кошо-Цайдама, А., 1998. С.79.)

Вытравленное из сознания казаха коммунистической пропагандой, выветренное соленым дыханием гибнущего Арала, выбитое пытками в

застенках НКВД и ГУЛага осознание чувства гордости за саму принадлежность к древним конгломератам (Ел) Ұлы Дала, переживает ныне уникальный процесс реабилитации, духовного возрождения. Национальная историческая школа может выбрать свой путь и продолжать двигаться самостоятельно. С учетом современных трендов обращает на себя внимание технология презентации исторического материала.

1) Мифам — место, или футурология. В интерпретации прошлого Великой Степи требуется, как ни странно, медиавизуализация, анимация сакральных и легендарных образов, сюжетов, символов.

К примеру, чтобы представлять, как совершались сделки на Великом Шелковом пути, его Степном участке, нужны модели визуализации. Версии гипотетически: чем расплачивались? Монеты — живой скот — технологии - шелк? Оформление сделки по услуге «эскорт» - сопровождения караванов, - кому поручали, как общались без знания языков, до какого пункта вели, на каком транспорте везли товары, как выполняли ритуалы веры, где находились семьи «эскорта» во время отсутствия хозяина, сына, брата... и т. п.

Историю создают историки: с завершением процесса формирования наций, такие элементы *идентификации*, как: мифы, символы, традиции, верования - не только сохраняются в национальном сознании, они становятся краеугольными камнями устойчивой архитектуры нации. «Основная доктрина задает мотив и импульс для различных видов национальной активности, - считал профессор Энтони Смит (1939-2016), редактор кембриджского журнала «Нации и национализм»), - как и для символов и институтов, которые выражают идею нации. (Smith, 2001: 22)

2) Что касается идентификации социальных процессов в Степном сегменте Великого шелкового пути, то они требуют корректировки, в частности, в вопросах: степень реального влияния смежных владений, равно как баланс различных верований и религиозных систем. Остается пока открытым и вопрос о диапазоне распространения гарнитуры древнетюркской письменности, в практике внешних сношений оозначенного периода, в частности, в северо-восточном и дальневосточном, направлениях.

Литература:

Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания: (12 апреля 2017 года) https://informburo.kz/stati/statya-prezidenta-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya.html

Назарбаев Н.А. Семь граней Великой Степи (21 ноября 2018 года) // http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi

Абусеитова М.Х. История Казахстана в арабских источниках. Том. 3. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 273 с.

Абусеитова М.Х., Тохтабаева Ш.Ж., Муминов А. К. Рукописи и артефакты по истории и культуре Казахстана из фонда Анри Мозера (книга-альбом). - Алматы: Дайк-Пресс, 2012.

Алимова Д. А. Джадидизм в Средней Азии: пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент: Ўзбекистон, 2000. 23 с. Историография темы успешно пополняется, известны труды Б.Х. Эргашева, Ш. Турдиева, Н.Каримова, Р.М. Абдуллаева, Н.У.Гафарова и др. ученых на постсоветском пространстве.

Алтынсарин И. Шаригат-уль-ислам. Казань, 1894.

Ауэзов М.О. Речь на пленарном заседании писателей Азии и Африки в Ташкенте // В кн.: Ауэзов, Мухтар. Мысли разных лет. По литературным тропам. Алма-Ата: КазГосИз художественной литературы, 1961. С.29-34.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М-Л. АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. – Т. 1.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/bicurin.htm

Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений: в 5-ти т. – Алма-Ата: Каз. сов. энциклопедия, 1985. Т. 4. С. 48-70.

Валиханов Ч. Ч. Тенкри (Бог) // Собрание сочинений: в 5-ти т. – Алма-Ата: Каз. сов. энциклопедия, 1984. Т. 1. С. 208-213.

Воробьева-Десятовская М.И. Материалы Н.Ф. Петровского в ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2011 № 1 (14). С. 184-196.

Духовная модернизация: наследие личности. Материалы Международной научно-практической конференции к 119-летию К.И.Сатпаева. 10 апреля 2018. Астана, 2018.

Духовное наследие и взаимовлияние культур на Великом Шелковом пути. Сборник статей / под ред. М.Х. Абусеитовой. – Алматы, 2017.

Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы - М.: 1998. С. 153-161.

История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие / Абусеитова М. Х. и др. - Алматы: Білім, 2001. - 620 с.

Касымжанов А.Х. Стелы Кошо-Цайдама, А., 1998.

Касымжанов А.Х. Стелы Кошо Цайдама. 2-е изд. Алматы: «Қазақ университеті», 2019. 122 с.

Каменные письмена. Древнетюркская поэзия VI - XII веков / Сост. А.Преловский. М.: Новый ключ, 2005.

Кляшторный С. Г. Манихейский мотив в древнетюркской «Книге предз наменований»// Тюркологическийсборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.: «Восточная литература», 2006.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как исторический источник. URL: http://old.kpfu.ru/f16/bin_files/22.pdf.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951, с. 80 - 92.

Маргулан А.Х. Труды по культуре казахского народа. – Павлодар: МОН РК ПГУ им. С. Торайгырова; ТОО НПФ «ЭКО», 2005. – 264 с.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы: «Социнвест»- Москва: «Горизонт», 1995. 320 с

Муканова Гюльнар. Центральная Азия через призму международных отношений: Россия — Казахстан — Китай. 18-20 вв. Петропавловск: ИТЦ СКУ. 2002. 557 с.

Муканова Г.К. Этногенез, этничность и идентичность насельников Великой Степи в парадигме «Алаш»: новое прочтение // Сб.ст. Межд. Конф. «Историко-культурное наследие Казахстана: проблемы изучения, интерпретации и сохранения». Центр Гос. музей РК, 11 - 12.05.2018. Алматы, 2018.

Муканова Гюльнар. Европа — Центральная Азия — Ладакх: этнокультурная идентификация (о семинаре Анне-Мари Вильмено) // «Білімді ел - Образованная страна». 2018 г. Май, с. 5.

Муканова Г.К. «Иманыныз болсын жолдас»: архивные источники о неизвестном И.Алтынсарине // Вестник КазНУ (серия Историческая), 2019 г. № 92 (1), с.133 -145.

Микапоva G.K. Orientalist Esper Ukhtomsky (1861-1921) on Historical Migrations across the Great Steppe // Вестник КазНУ (Серия Историческая). 2019 г. № 93 (2). P.60-67.

Нуржанов Б.Г. Нация, конституция, государство: компоненты национальной идеи // Мысль. 2009. №11. С.21-27. https://abai.kz/post/1880

От Амуля до Хазара: памятники истории караванных маршрутов. Караван-сараи // https://www.trend.az/casia/turkmenistan/2848938.html

Первый Всесоюзный тюркологический съезд в Баку, 1926 г. Стенографический отчет. Переизд. Баку: Нагыл Еви, 2011. 550 с.

Петровский Н.Ф. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Пособие для разыскания древ. путей и местностей: Извлеч. из соч. Sprenger'a "Die Postund Reiserouten des Orients". Ташкент: типо-лит. торг. д. "Ф. и Г. бр. Каменские", 1894. - 60 с.

Репрессированная тюркология /Ф.Д.Ашнин, В.М.Алпатов, Д.Насилов; Институт востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 2002. 296 с.

Соегов М. Памятник Бильге-кагану // Miras (Наследие), № 2. – Ашхабад, 2007. – С. 96–121.

Сулейменов Олжас. Введение в этимологию. Алматы: «Қазақ университеті», 2019. 94 с.

Ухтомский Э. А. От Калмыцкой степи до Бухары: путевые очерки. С-Петербург: Типография князя В.П.Мещерского, 1891. 213 с.

Чокай-оглы Мустафа. Туркестан под властью советов: (К характеристике диктатуры пролетариата). Яш Туркестан, 2- изд. Париж, 1935.

Юдин В. П. Центральная Азия в XIV-XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

ANF - Archives Nationales de la France. Fonds du Ministère de l'Instruction publique. F/17/2951 (Cuverville), F/17/2936-2 (de Baye).

Ergin, Murat. "Is the Turk a White Man?": Race and Modernity in the Making of Turkish Identity. Haymarket Books, 2018. 288 p.

Grousset, René. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia, 1970. Nairn T., James P. Global Matrix. Nationalism, Globalism and State-Terrorism. London, 2005.

<u>Prajakti, Kalra.</u>The Silk Road and the Political Economy of the Mongol Empire (Routledge Studies on the Chinese Economy). Taylor and Francis, 2018. Routledge.164 p.

Smith A. Nationalism. Theory, Ideology, History. Cambridge, 2001.

Sprenger. A. Die Post- und Reiserouten des Orients. Mit 16 Karten nach einheimischen Quellen von A.Sprenger. Erstes Heft. Leipzig, 1864. In Commission bei F.A. Brockhaus. 160 p.

Tekin T. Orhon Yazıtları. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basım Evi, 1988. – V-XXIV+200+11 s.

Tekin, Talat. Irk Bitig: (the book of omens). Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. (Turcologica; Bd. 18). 131 p.

Thomsen V. Dr. M. A. Stein's Manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-huang. Published and Translated by... JRAS, 1912, p. 181-227.

02.06.2019.